

Феномен «нового знания» в концептуальной сетке философии науки

Б. И. Пружинин

Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, Гончарная ул., 12

Для цитирования: Пружинин Б. И. Феномен «нового знания» в концептуальной сетке философии науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 473–483. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.305>

В данной статье в ходе анализа философско-методологического содержания концептов «новое знание» и «динамика науки» автор обосновывает следующий тезис: необходимо радикально переосмыслить исследовательские приоритеты современной философии науки с учетом запросов наиболее перспективных естественно-научных направлений. Автор достаточно критически оценивает нынешний методологический потенциал философии науки, сложившийся на базе постпозитивистских представлений о динамике науки и научном познании в целом, а также предпринимает попытку очертить контуры философско-методологической проблематики, связанной с трендами современной науки. По мнению автора, в центре внимания философии науки сегодня должны находиться прежде всего междисциплинарные исследовательские программы, которые реализуются в наиболее востребованных и продвинутых областях современного научного знания. Автор обосновывает мысль о том, что в рамках этих программ в качестве основной когнитивной единицы организации знания выступают не теоретические конструкции (теории и их соотношения), а дисциплинарные структуры знания. И, соответственно, на передний план философско-методологических разработок выдвигаются задачи, связанные с поиском и анализом методологических ориентиров, обеспечивающих эффективное в когнитивном плане общение (взаимопонимание) ученых внутри коллабораций — междисциплинарных научных коллективов. Автор полагает, что эпистемологические перспективы осмысления и методологической разработки такого рода ориентиров открываются при обращении к культурно-историческим измерениям научного познания. Именно культурно-историческая эпистемология учитывает экзистенциальные, мотивационные установки ученого, которые предполагают в то же время методологически значимые параметры научного исследования (стиль научного мышления, достоинство знания и историческая преемственность науки как культурного феномена). Таким образом, культурно-историческая эпистемология открывает возможность эффективной методологической ориентации важнейших направлений современной науки.

Ключевые слова: философия науки, новое знание, динамика науки, коллаборация, научная дисциплина, междисциплинарные исследовательские программы, культурно-историческая эпистемология.

Концепты «новое знание» и «динамика науки» широко используются в нынешней философии науки как очевидные, можно даже сказать, как тривиальные характеристики научно-познавательной деятельности. Действительно, к чему сводится

их содержание? В процессе научного познания создается новое знание, которое либо просто добавляется к наличному, либо стимулирует трансформацию всего имеющегося массива знаний. Чтобы обосновать выбор одного из этих вариантов познавательной деятельности в философии науки, предлагается целый ряд концептуальных моделей, но главное, что поддерживает их приемлемость, — это созвучность со столь же очевидной трактовкой науки как деятельности творческой, нацеленной на добывание нового знания, которое так или иначе включается в знание наличное. Круг замыкается. И надо полагать, именно эта внешняя созвучность очевидностей мешает заметить, что нынешнюю распространенную трактовку концептов «новое знание» и «динамика науки» определяет вполне конкретная концептуальная схема, бывшая более или менее уместной в свое время, но вызывающая сегодня массу вопросов. Более того, эта схема, при всех своих вариациях, не только оказывается малоэффективной применительно к современным, весьма сильно изменившимся научным практикам, но еще и тормозит разработку философско-методологических ориентиров, отвечающих их запросам.

Конечно же, научное познание — форма творческой деятельности. Методологическая ориентация науки на новое знание — сущностная целевая установка науки. Однако ведь наука, именно в силу ее творческой природы, — феномен исторический. А это (помимо всего прочего, о чем и пойдет речь ниже) означает, что ориентирующие динамику науки цели наполняются всегда уместным, меняющимся во времени содержанием. Вектор ее мотивации на новое знание периодически становится конкретной проблемой самой науки, требующей радикального методологического переосмысления. И происходило это всякий раз, когда благодаря познавательным усилиям ученых оценки претендующего на новизну знания наполнялись иным смыслом. Динамика науки приобретала иные очертания. Соответственно, всякий раз, когда наука переживала более или менее значительные трансформации, философия науки заново переосмысливала также и методологические параметры, связанные с научным творчеством, с условиями возникновения знания и, в частности, с оценкой его как нового. Полагаю, сегодня потребность в основательном философско-методологическом анализе релевантных параметров новизны знания и динамики науки становится остро настоящей.

Современная наука изменилась, причем радикально. Идущие буквально на наших глазах процессы меняют ее методы и структуру знания, ее социокультурный статус, организационные параметры, мотивацию ученых. И на фоне этих изменений феномен «нового знания» предстает как одна из проблем философско-методологического самосознания науки, требующих переосмысления целого ряда привычных представлений о методологических характеристиках научного познания. В частности, я полагаю, осмысление эпистемологического статуса «нового знания» в контексте трендов современной науки заставляет более внимательно отнестись к имманентным культурно-историческим характеристикам познавательной деятельности ученых и, соответственно, к собственно историческим измерениям динамики науки как таковой — к исторической сути трансформаций, которые переживает наука, когда появляется новое знание.

Наиболее продвинутыми областями современной науки являются направления, где выполняются масштабные исследовательские программы, где многогранная, заданная нынешней технологической ситуацией предметность требует

коллективных усилий специалистов из самых различных, зачастую традиционно взаимоисключающих областей науки и где конкретной формой научно-познавательной деятельности становится междисциплинарная коллаборация [1–3]. Сегодня именно такого рода продвинутое исследование обеспечивают динамику науки и создают новое знание. Конечно, научное познание по самой своей сути является познанием коллективным и всегда было таковым. Однако формы коллективности в истории науки весьма основательно различались. Ныне эпистемологическим олицетворением этих форм выступает «коллективный субъект познания» (см. об этом подробнее: [4–6]). И в силу этого в центре философско-методологического сознания, которое действительно способно сегодня ориентировать познавательную активность субъекта, встает проблема, напрямую соотносимая с культурно-исторической целью науки как таковой, с целью, ради которой, собственно, и возникла некогда коллективная познавательная деятельность. Внутри самой науки в ходе конкретной исследовательской работы возникает проблема взаимопонимания ученых разных специальностей в рамках их совместной познавательной деятельности. Но, подчеркну, полноценный методологический смысл она приобретает лишь в контексте осознания учеными своей познавательной практики как деятельности, мотивированной культурными целями науки. Иными словами, методологические установки, ориентирующие сегодня ученых в рамках коллективных исследовательских программ, наполняются конкретным содержанием лишь в экзистенциальном поле ценностной установки, направляющей ученых на поиск общезначимого видения мира, на поиск истины как основы единства мнений членов научного сообщества и общества в целом. Так что адекватное, т.е. эффективное для самой науки, методологическое осмысление проблем сотрудничества оказывается возможным только в контексте культурно-исторической трактовки динамики науки.

Последнее замечание может показаться излишним на фоне общепринятого мнения, согласно которому господствующие ныне в философии науки представления как раз своим историзмом отличаются от ее предшествующего, позитивистского этапа. Такова практически вся философия науки от Томаса Куна до Стива Фуллера. Это мнение также имеет статус констатации, не требующей особого обоснования. Однако если внимательно присмотреться к стандартному для нынешней философии науки употреблению концепта «динамика науки», который в данном случае и отправляет нас к истории, то несложно заметить, что в своем нынешнем варианте этот концепт предполагает весьма узкую апелляцию к собственно историческим измерениям научной деятельности. В рамках нынешней концептуальной схемы философии науки (назовем ее условно послепозитивистской) речь идет, по сути, не об осознанной исторической направленности усилий ученых, поддерживающей саму возможность существования науки как культурно-исторического феномена, но лишь о техническом когнитивном инструментарии, позволяющем вносить изменения в наличный массив знания. Иными словами, в послепозитивистской трактовке динамики науки во внимание принимаются лишь процедуры и формы научной деятельности (в данном случае связанные с внутринаучной коммуникацией), обеспечивающие внешнюю трансформацию научного знания. Но при этом фактически игнорируются исторически всегда конкретные, экзистенциально наполненные мотивационные установки ученых, придающие таким трансформациям смысл и ценность в преобладающей исторической перспективе научно-

познавательной деятельности. Из поля зрения философии науки выпадает тогда экзистенциально нагруженное осознание ученым своей причастности к осуществлению некоторой фундаментальной культурной цели науки, его участие в преемственной реализации культурного смысла познавательных усилий, базирующихся на всей предшествующей истории научного познания. Формальные трансформации научного знания не погружаются здесь в историю науки и, соответственно, рассматриваются просто как трансформации вне их содержательного исторического измерения. Сама история выступает лишь как поток перемен, не имеющих смысла. Впрочем, такая трактовка истории является сегодня весьма популярной.

Если принять точку зрения послепозитивистской философии науки, то практически всю мотивационную сферу сознания ученого можно отнести к социально-психологическим переживаниям и личностным установкам, которые при всей своей аксиологической значимости не имеют собственно методологического смысла. В этом плане нынешняя философия науки вполне разделяет взгляды позитивистов. Экзистенциальная приверженность культурной цели науки здесь фактически выводится за рамки методологического самосознания ученого. И надо признать, такого рода позиция действительно имеет основания в реальности современной науки. Но лишь в той мере, в какой эта точка зрения соотносится с прикладными, прагматически жестко ориентированными направлениями научных разработок. В рамках таких разработок экзистенциальная ориентация на культурные цели науки вытесняется узким интересом, направленным на эффективное удовлетворение частного практического заказа (см. об этом: [7]). Однако, замечу, прагматически ориентированными исследованиями отнюдь не исчерпывается суть феномена науки. Споры нет, и в голову не приходит подвергать сомнению практическую (а ныне — экономико-технологическую) значимость науки, ибо в этой значимости — важнейшее основание ее социального статуса, да и условие ее возникновения. Но на фоне ее сегодняшних социально-прагматических трактовок важно иметь в виду, что наука возникла и просуществовала две с половиной тысячи лет прежде всего как культурный феномен и осмысление эпистемологических проблем, которые при каждом серьезном шаге в ее динамике ставили под вопрос само ее существование в этом качестве, предполагает акцентуацию ее культурно-исторических целевых установок. Именно благодаря осознанию культурных целей науки раскрывается для ученого экзистенциальный смысл его собственных познавательных усилий.

Представляется, что обсуждение этой ситуации — очень важная тема философско-методологической рефлексии именно над современной наукой. Во всяком случае, полагаем, что обращение к экзистенциально-целевым установкам науки как культурно-исторического феномена принципиально важно в современной когнитивной (эпистемологической) ситуации, когда деятельность ученых напрямую нуждается в методологическом переосмыслении оснований коллективных исследовательских программ. Виталий Пронских, научный сотрудник Национальной ускорительной лаборатории им. Э.Ферми (Батавия, США), опираясь на личный опыт участия в реализации коллективных исследовательских программ и в России, и за рубежом, в одном из выступлений отмечал, что вопрос о том, нуждаются ли вообще современные ученые в понимании целей своих исследований, заслуживает самого пристального внимания. Если скепсис, присутствующий в этом вопросе, принять как их позицию, т. е. как норму, можно весьма серьезно обсуждать и во-

прос о конце науки как феномена культуры. Ибо в такой перспективе место ученых займут в лучшем случае рационализаторы, менеджеры от науки. И никакое превращение фундаментальной науки в простой фундамент прикладных исследований не поможет тогда сохранить науку как особую сферу социокультурной деятельности, ведь совершенствование технологий, заметим, тысячелетиями осуществлялось без всякой коллективно организованной, обществом признанной познавательной деятельности [8].

Чтобы конкретизировать критические рассуждения о методологическом потенциале и границах нынешних постпозитивистских концептуальных схем, обратимся прямо к постпозитивистской философии науки, идеи которой фактически легли в основание этих схем. Данное течение неоднократно анализировали на протяжении второй половины XX столетия, а потому позволим себе акцентировать лишь некоторые его черты, так или иначе связанные с игнорированием методологической значимости экзистенциально окрашенной ориентации на культурно-исторические цели науки. Дело в том, что именно усилиями постпозитивистов в философии науки произошел тот поворот к истории, которым на сегодня исчерпывается историческое содержание концептов «новое знание» и «динамика науки». Наиболее популярную теоретическую модель «когнитивного механизма» динамики знания как его коллективной перестройки предложил Томас Кун [9]. При этом он действительно апеллировал к реально происходившим в истории науки процессам изменения массива знания. Но фактически примененный им case study method позволяет оценить лишь пригодность конструируемых моделей для описания периодически повторяющихся в истории науки ситуаций перестраивания знания. И соотносятся эти модели, описывающие «механизмы» истории, с реальной историей науки исключительно как с эмпирическим материалом, не затрагивая философско-методологический вопрос о том, меняется ли что-либо в эпистемологическом статусе знания, когда мы узнаем о мире что-то новое (или, иными словами, является ли возрастание знания его сущностной эпистемологической характеристикой). Таким образом, обращение к истории науки в рамках этого постпозитивистского течения ограничивается лишь конструированием моделей трансформации научного знания, т. е. описываются лишь варианты внешних структурных перестроек знания, которые действительно периодически случались.

Надо признать, такая позиция в нынешней философии науки является господствующей. Даже если прямые ссылки на идеи Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда отсутствуют, все же именно в контексте их моделей динамики науки рассматриваются исторические измерения научно-познавательной деятельности. Хотя сегодня уже вполне понятно, что собственно никакого особого эпистемологического содержания, способного вместить в себя проблемы динамики современного научного познания, здесь нет. Методологической оценки специфических особенностей познания, осуществляющегося в контексте вызовов техногенной цивилизации, постпозитивистское соотнесение нового и старого знания не предполагает. Ведь с точки зрения постпозитивистской философии науки соизмеримость различных фрагментов знания (кумулятивная эволюция в «нормальной» науке) или их несоизмеримость (научная революция, порождающая новую «нормальную» науку) в каждой конкретной ситуации содержательно определяется внеэпистемологическим (читай: социологическим), по сути, выбором ученых. Соответственно, харак-

теристика новизны знания в постпозитивизме каждый раз приобретает конкретный смысл применительно к ситуации, на которую постпозитивистские модели динамики знания указывают задним числом, т.е. для работающего ученого они методологической ценности не имеют. Это, если угодно, внутреннее дело философии науки. Ибо общая, ориентирующая цель научно-познавательной деятельности теряется из виду вместе с экзистенциально-ценностными измерениями науки, лежащими в основании ее истории. А между тем сегодня в ходе реализации научно-исследовательских программ именно общая культурно-историческая цель науки (которую можно, следуя за прекрасным переводом известной работы Макса Вебера, назвать «призванием» [10]) для самих ученых наполняется в их коллективных исследовательских практиках конкретным содержанием. Она оборачивается актуальным методологическим запросом к философии науки — проблематикой взаимопонимания совместно работающих ученых разных профессий, проблематикой их общения и общезначимости знания [11].

Постпозитивистские модели «динамики науки» фактически довели до предела заложенную в позитивизме конструктивистскую трактовку знания. Позитивизм (неопозитивизм) в своих оценках статуса знания фактически избегал прямой апелляции к внеэпистемологическим, по своей сути, факторам, поскольку различал перестройки, непрерывно происходящие в теоретической составляющей науки (которую он и трактовал как конструирование), и изменения, приращения, касающиеся эмпирического базиса знания. Этот базис позитивисты считали собственно основанием знания — именно в нем накапливаются новые факты, образующие основу нового знания: новые объекты, новые зависимости, новые соотношения и т.д. Но эти достижения науки накапливаются, суммируются, прирастают благодаря теоретическому конструированию, которое, участвуя в расширении эмпирического базиса науки, в свою очередь, обретает статус знания. В сфере концептуальных конструкций, так или иначе связывающих факты, объясняющих их и ориентирующих дальнейшие исследования, возможны эпистемологически значимые революции, приводящие к новым конструкциям, по-новому связывающим между собой факты.

Однако главное, что и делает эти конструкции новым приемлемым знанием, — это их участие в приобретении новых фактов, позволяющих расширить сферу знания — общения — взаимопонимания — единства в видении мира. И потому позитивистские модели «приумножения» знания (от бэконовской индукции до неопозитивистской гипотетико-дедуктивной модели теории) и сегодня сохраняют свою методологическую значимость как основания для оценки способности теоретических конструкций обеспечивать прирост знания. Постпозитивизм не прибавил здесь ничего методологически значимого. Никакой философско-методологической функции в ходе научно-познавательной работы ученых эпистемологические апелляции постпозитивистов практически не выполняют. Это — дескриптивная философия науки, лишь описывающая организационно-коммуникативные формы коллективной деятельности ученых. И потому сами работающие ученые к постпозитивистским моделям динамики науки относятся как к внешнему дискурсу — со столь же внешним вниманием. Куда более внимательно ученые (уровня А. Эйнштейна, М. Бора, Э. Маха) относились к позитивистской философии науки, имевшей очевидное методологическое отношение к практикам воспроизведения научного знания.

Обращение к культурно-историческим целям научной деятельности, включение в концептуальное поле методологических размышлений ученого целевых, экзистенциально нагруженных мотивов познания фактически открывают перспективу осмысления новой методологической тематики, перспективу видения новых методологических реалий современной продвинутой науки. В центре методологического внимания коллективного субъекта масштабных исследовательских программ оказывается сегодня научная дисциплина как форма организации, как основная единица динамично развивающегося знания¹. Это существенно меняет исследовательские контуры философии науки, представление о методологических параметрах эффективного научного исследования. В разряд таких параметров попадает оценка достоинства нового знания по его вкладу во взаимопонимание участников коллективного исследования [13]; возвращается понятие стиля научного исследования как характеристики исторической конкретности и целостности знания [14]. Причем концепты эти отнюдь не новы для методологического сознания науки. Об оценке знания по его достоинству писал еще Аристотель [15], концепт стиля научного мышления предлагалось ввести в методологическое сознание науки в начале прошлого столетия, причем самими учеными².

Последнее замечание, кстати, заставляет вновь вернуться к оценке границ постпозитивистского видения современной методологической ситуации, не позволяющего выйти к новой методологической тематике. Постпозитивизм, как уже отмечалось, фактически замкнут на теоретической конструкции как основной единице знания. И при этом сами постпозитивисты достаточно убедительно показали, что единство мнений членов научных сообществ по поводу теоретических конструкций эпистемологически условно. Знание у них предстает как конструкция, которую сообщество может создавать и разворачивать как революционным, так и эволюционным путем. Но к целям научного познания эти варианты динамики науки отношение имеют весьма косвенное. И дело не меняется от того, что знание именно в качестве конструкции, имеющей прикладной смысл, может быть востребовано окружающим науку социумом. Так что вполне естественной в рамках этого тренда стала трансформация постпозитивистской философии науки в концепцию сторонников Эдинбургской школы (от работ Дэвида Блура и до сего дня), напрямую трактующих знание как феномен, ничем не отличающийся от прочих «социодуховных» образований — идеологии, мифа и пр. Но при этом в трактовке феномена нового знания и динамики науки никакого более глубокого содержания, позволяющего соотнести его с современной методологической проблематикой, в концепциях этой философии науки не появилось.

---

¹ Анализировать научную дисциплину как структурную единицу знания в отечественной философии науки начал еще в 80-х годах прошлого столетия А. П. Огурцов [12].

² «Я не хочу сказать, — писал Борн, — что (вне математики) существуют какие-либо неизменные принципы, априорные в строгом смысле этого слова. Но я думаю, что существуют какие-то общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке. Паули в недавнем письме ко мне употребил выражение “стили”: стиль мышления — стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и у физической теории, и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам. Последние являются, так сказать, относительно априорными по отношению к данному периоду. Будучи знакомым со стилем своего времени, можно сделать некоторые осторожные предсказания. По крайней мере можно отвергнуть идеи, чуждые стилю нашего времени» [16, с. 227–228].

На передний план в этих концепциях выступила иная проблематика. Модная ныне эпистемологическая тема — рассуждения о релятивности знания, условности истинностных оценок, замене логики риторикой и пр. Вся послепозитивистская философия науки внесла в этот постмодернистский эпистемологический мейнстрим свой вклад. И в этом, бесспорно, есть также и положительный смысл — если угодно, негативное напоминание о том, что истина, во всяком случае в науке, — результат человеческих усилий и представляет собой культурную, созданную человеком ценность. Конечно же, идея «абсолютной» истины в науке методологически неэффективна, а стало быть, непосредственно бесполезна. И постпозитивисты убедительно показали, что единство мнений членов научных сообществ по поводу теоретических конструкций эпистемологически условно. Но, наряду с этой констатацией, отнюдь не исчезло сегодня сознание того, что движение к истине — к Благу, о котором говорил Платон, — выступая в истории в различных формах, было и есть важнейшее основание культуры, что собирание по крупицам того, что позволяет людям понять друг друга вопреки массе различий, не потеряло своей значимости и сегодня. А для ученого этот поиск истины — движущая целевая причина, отрицание которой ставит под вопрос само существование феномена науки. Следует лишь иметь в виду, что не об абстрактном поиске истины идет речь применительно и к обществу в целом, и к деятельности научного сообщества. В современных междисциплинарных исследованиях поиск нового знания как поиск оснований взаимопонимания — конкретная, вплетенная в ткань этих исследований остроактуальная задача.

В связи с этим не могу не отметить, что еще в первой половине прошлого века была предпринята попытка, фактически альтернативная развертывавшейся тогда постпозитивистской волне, вернуть философско-методологическую рефлексию к осмыслению целей науки. Томас Кун, упоминая Людвика Флека как своего предшественника, не стал, однако, углубляться в содержание его идей. Между тем введенные Флеком концепты «стиль мышления» (*Denkstil*) и «мыслительный коллектив» (*Denkkollektiv*) позволяли расширить методологическое понимание динамики знания в направлении актуальной ныне проблематики (см.: [17]). Напомню, Кун под давлением критических замечаний был вынужден развести понятия «научное сообщество» и «парадигма» [9]. «И сделать это он был вынужден потому, что столкнулся с вопросом: в каком, собственно, пространстве реализуется образец как образец (как парадигма) для научного коллектива? По какой причине и каким образом определенный способ мышления становится единым для научного коллектива? Кун ответил на этот вопрос вполне определенно — через социальные и психологические механизмы. Флек, взамен старой гносеологической схемы “субъект-объект”, предлагал новую эпистемологическую схему: “субъект — мыслительный коллектив — объект”, в которой главная роль принадлежит “мыслительному коллективу”. Сообществу, почти социальному, но не совсем. Конечно, это “не совсем” делало концепцию Флека противоречивой и непоследовательной. Но зато он почувствовал глубинные основания противоречия, с которым столкнулся» [14, с. 72]. И это ощущение проблемности сегодня дорого стоит. Тем более что сам Флек апеллировал при этом к механизмам языка как основе достижения единства взглядов ученых в процессах их целеориентированного общения.

В границах этой статьи нет возможности проследивать все эпистемологические аспекты узости послепозитивистского подхода к целевой культурно-истори-

ческой ориентированности научной деятельности. Постпозитивистские модели «динамики науки» фактически довели до предела заложенную в позитивизме конструктивистскую трактовку знания. Они принципиально обходят вопрос о ценности самого знания для ученого, выводя за поле зрения философско-методологических исследований процессы его совершенствования, возрастания его эпистемологической самообоснованности, обеспечивающей взаимопонимание ученых и тем самым реализующей культурную цель науки. Они обходят эпистемологический по сути вопрос о том, что, собственно, заставляет научное сообщество переходить от одной формы динамики науки к другой и, соответственно, принимать некий набор научных утверждений в качестве радикально нового знания или, напротив, квалифицировать его лишь как количественное приращение уже имеющегося. Здесь постпозитивистская апелляция к мнению сообщества ученых отражает лишь, так сказать, социально-идеологическое сознание научного социума. А в результате смысл научного познания, культурные цели науки, некогда ее и породившие, просто растворяются в текущих социальных нуждах сообщества. Так что даже не возникает вопроса о путях приумножения научного знания как знания о мире, которое может воспроизводить каждый человек и которое именно благодаря этой возможности способно образовать основу пресловутого «единства мнений» членов научного сообщества. И поскольку именно этот аспект научной деятельности выдвигается сегодня как центральная проблема философско-методологической рефлексии, философия науки, ориентированная на постпозитивизм, оказывается вне актуальной, волнующей самих ученых методологической проблематики. Междисциплинарные исследовательские проекты требуют нового уровня методологической работы с научным знанием, анализа оснований научного общения, открывающего перспективу взаимопонимания участников коллаборации — коллективного субъекта современной науки.

Литература

1. Галисон, П. (2004), Зона обмена: координация убеждений и действий, пер. Герович, В. А., *Вопросы истории естествознания и техники*, № 1, с. 64–91. URL: <http://www.1543.su/VIVOVOCO/VV/JOURNAL/VIET/GALISON.HTM> (дата обращения: 11.07.2020).
2. Пронских, В. С. (2018), Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту, *Вопросы философии*, № 5, с. 88–92.
3. Пружинин, Б. И., Антоновский, А. Ю., Воронина, Н. Н., Грифцова, И. И., Дорожкин, А. М., Касавин, И. Т., Масланов, Е. В., Невважай, И. Д., Пирожкова, С. В., Соколова, Т. Д., Сорина, Г. В., Столярова, О. Е., Щедрина, Т. Г. и Юдин, Б. Г. (2017), Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты. Материалы круглого стола, *Вопросы философии*, № 11, с. 23–53.
4. Пружинин, Б. И. (2019), «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки), *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, № 2, с. 105–110.
5. Крушанов, А. А. (2019), Эпистемологические особенности коллективных познавательных процессов, *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, № 2, с. 111–116.
6. Галисон, П. (2018), Коллективный автор, *Вопросы философии*, № 5, с. 93–113.
7. Пружинин, Б. И. (2005), Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки, *Философия науки. Этос науки на рубеже веков*, вып. 11, М.: ИФ РАН, с. 109–120.
8. Пружинин, Б. И. (2009), *Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии*, ред. Щедрина, Т. Г., М.: РОССПЭН.
9. Кун, Т. (1975), *Структура научных революций*, пер. с англ. Налетов, И. З., М., АСТ.

10. Вебер, М. (1990), Наука как призвание и профессия, в Вебер, М., *Избранные произведения*, пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Давыдов, Ю. Н.; предисл. Гайденок, П. П., М.: Прогресс, с. 707–735.
11. Пружинин, Б. И. (2019), Наука как профессия и как феномен культуры, *Вопросы философии*, № 8, с. 5–9.
12. Огурцов, А. П. (1988), *Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование*, М.: Наука.
13. Достоинство знания как проблема современной эпистемологии (2016), Материалы круглого стола. Участники: Б. И. Прижинин, Н. С. Автономова, В. А. Бажанов, И. Н. Грифцова, И. Т. Касавин, В. Н. Князев, В. А. Лекторский, В. Л. Махлин, Л. А. Микешина, П. А. Ольхов, В. Н. Порус, Г. В. Сорина, В. П. Филатов, Т. Г. Щедрина, *Вопросы философии*, № 8, с. 20–56.
14. Пружинин, Б. И. (2011), «Стиль научного мышления» в отечественной философии науки, *Вопросы философии*, № 6, с. 64–74.
15. Щедрина, Т. Г. и Пружинин, Б. И. (2020), «Назад к Аристотелю»: достоинство знания как проблема эпистемологии, *Вопросы философии*, № 1, с. 18–26.
16. Борн, М. (1963), Состояние идей в физике, в Борн, М., *Физика в жизни моего поколения*, общ. ред., посл. Суворов, С. Г., М.: Издательство иностранной литературы, с. 226–251.
17. Флек, Л. (1999), *Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива*, сост., пред., пер. с англ., нем., пол. яз., общ. ред. Порус, В. Н., М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.

Статья поступила в редакцию 18 августа 2019 г.;
рекомендована в печать 2 июля 2020 г.

Контактная информация:

Пружинин Борис Исаевич — д-р филос. наук, гл. науч. сотр.; prubor@mail.ru

The phenomenon of *New Knowledge* in the conceptual framework of the philosophy of science

B. I. Pruzhinin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya ul., Moscow, 109240, Russian Federation

For citation: Pruzhinin B. I. The phenomenon of *New Knowledge* in the conceptual framework of the philosophy of science. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 3, pp. 473–483. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.305> (In Russian)

The article, as a result of the analysis of the philosophical and methodological content of the *new knowledge* and *dynamics of science* concepts, substantiates the thesis about the necessity to radically shift the research priorities of the modern philosophy of science. The author critically evaluates the current methodological potential of the philosophy of science, which has developed on the basis of postpositivist concepts of scientific knowledge, and he attempts to outline the philosophical-methodological problems associated with modern scientific trends. According to the author, attention on the philosophy of science should be focused today, first of all, on interdisciplinary research programs that are implemented in the most popular and advanced areas of scientific knowledge. Within these programs, it is not the theoretical constructions (and their relationships), but the disciplinary structures of knowledge that act as the main cognitive unit of the organization of knowledge. Thus, to the fore of the philosophical-methodological approaches come the tasks related to the search and the analysis of methodological guidelines that provide cognitively effective communication (mutual understanding) of scientists within collaborations, i. e. interdisciplinary scientific teams. The author believes that the epistemological perspectives of comprehension and methodological development of such guidelines open up when referring to the cultural-historical dimensions of scientific knowledge. It is the cultural-historical epistemology that takes into account the existential, motivational attitudes of the scientist, which at the same time assume methodolo-

gically significant parameters of scientific research (the style of scientific thinking, the dignity of knowledge, and the historical continuity of science as a cultural phenomenon). As a result, the cultural-historical epistemology opens up the possibility of an effective methodological orientation of the most important areas in modern science.

Keywords: philosophy of science, new knowledge, dynamics of science, collaboration, scientific discipline, interdisciplinary research programs, cultural-historical epistemology.

References

1. Galison, P. (1999), Trading Zone: Coordinating Action and Belief, in Biagioli, M. (ed.), *The Science Studies Reader*, New York: Routledge, pp. 137–160. Available at: <http://www.1543.su/VIVOVOCO/VV/JOURNAL/VIET/GALISON.HTM> (accessed: 11.07.2020). (In Russian)
2. Pronskikh, V. S. (2018), Big Science Collaboration as a Challenge to Transcendental Subject, *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 88–92. (In Russian)
3. Pruzhinin, B. I., Antonovskiy, A. Yu., Dorozhkin, A. M., Griftsova, I. N., Kasavin, I. T., Maslanov, E. V., Nevvazhay, I. D., Pirozhkova, S. V., Shchedrina, T. G., Sokolova, T. D., Sorina, G. V., Stoliarova, O. E., Voronina, N. N. and Yudin, B. G. (2017), Communications in Science: Epistemological, Socio-cultural and Infrastructural Aspects. Materials of the Round Table, *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 23–53. (In Russian)
4. Pruzhinin, B. I. (2019), The *Collective Subject* in Scientific Tradition: Philosophical and Methodological Notes, *Humanities Research in the Russian Far East*, no. 2, pp. 105–110. (In Russian)
5. Krushanov, A. A. (2019), Epistemological Features of Collective Cognitive Processes, *Humanities Research in the Russian Far East*, no. 2, pp. 111–116. (In Russian)
6. Galison, P. (2003), The Collective Author, in Galison, P. and Biagioli, M. (eds), *Scientific Authorship: Credit and Intellectual Property in Science*, New York and Oxford: Routledge, pp. 325–353.
7. Pruzhinin, B. I. (2005), Applied and Fundamental in the Ethos of Modern Science, *Filosofia nauki. Etos nauki na rubezhe vekov*, is. 11, Moscow: Institut of Philosophy Publ., pp. 109–120. (In Russian)
8. Pruzhinin, B. I. (2009), *Ratio Serviens? Outlines of Cultural-Historical Epistemology*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
9. Kuhn, T. S. (1975), *The Structure of Scientific Revolutions*, transl. by Nalyotov, I. Z., Moscow: AST Publ. (In Russian)
10. Weber, M. (1990), Wissenschaft als Beruf, in Weber, M., *Selected Works*, Moscow: Progress Publ., pp. 707–735. (In Russian)
11. Pruzhinin, B. I. (2019), Science As a Vocation and As a Cultural Phenomenon, *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 5–9. (In Russian)
12. Ogurtsov, A. P. (1988), *Disciplinary Structure of Science. Its Genesis and Rationale*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
13. The Self-Integrity of Knowledge as a Problem of Modern Epistemology (2016). Materials of Round Table. Participants: B. Pruzhinin, N. Avtonomova, V. Bazhanov, V. Filatov, I. Griftsova, I. Kazavin, V. Knyazev, V. Lectorsky, V. Makhlin, L. Mikesheina, P. Olkhov, V. Porus, T. Shchedrina, G. Sorina, *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 20–56. (In Russian)
14. Pruzhinin, B. I. (2011), *Style of Scientific Thinking* in Domestic Philosophy of the Science, *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 64–74. (In Russian)
15. Shchedrina, T. G. and Pruzhinin, B. I. (2020), *Back to Aristotle: the Dignity of Knowledge as a Problem of Epistemology*, *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 18–26. (In Russian)
16. Born, M. (1963), The Conceptual Situation in Physics and the Prospects of its Future Development (37th Guthrie Lecture to the Physical Society), in *Physics in My Generation*, ed. by Suvorov, S. G., Moscow: Izdatel'stvo inostranoy literatury Publ., pp. 226–251. (In Russian)
17. Fleck, L. (1999), *Genesis and Development of a Scientific Fact*, ed., transl. by Porus, V. N., Moscow: Ideia-Press, Dom intellektual'noi knigi Publ. (In Russian)

Received: August 18, 2019

Accepted: July 2, 2020

Author's information:

Boris I. Pruzhinin — Dr. Sci. in Philosophy, Main Research Fellow; prubor@mail.ru